

**«ТАК БЫВАЛО В ПРЕЖНИЕ ВРЕМЕНА...»:
Е. А. КОСМИНСКИЙ О ПОРЯДКЕ ЗАЩИТ ДИССЕРТАЦИЙ.
ПУБЛИКАЦИЯ ВЫСТУПЛЕНИЯ ИСТОРИКА
НА ЗАСЕДАНИИ УЧЕНОГО СОВЕТА ИИ АН СССР В 1946 Г.**

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 16-03-00264

В. В. Сашанов

Центра историко-культурного наследия г. Челябинска. Челябинск, Россия

Публикуемое выступление Е. А. Косминского на заседании Ученого совета Института истории АН СССР, посвященное порядку защит диссертаций, и вводная статья к нему являются исследованием малоизученной на сегодняшний день темы советской диссертационной культуры 1930–1940 гг. В своей речи известный медиевист подвергает критике сложившуюся систему и апеллирует к лучшим традициям дореволюционной научной аттестации. Доклад ученого рассматривается в контексте развития научного сообщества в первые послевоенные годы, когда советские историки активно обращались к наследию и опыту своих дореволюционных коллег. В то же время, автором статьи констатируется, что развернувшиеся в скором времени антикосмополитические кампании свели на нет стремление историков старой школы адаптировать опыт диссертационной культуры российских историков XIX – начала XX в. на советскую почву.

Ключевые слова: *советская историческая наука, диссертационная история, Б. Д. Греков, Е. А. Косминский.*

Российская диссертационная культура, сложившаяся к началу XX в., выработавшая свои правила и имевшая устоявшиеся традиции и ритуалы, в первые десятилетия советской власти прошла сложный путь трансформации – от официальной отмены ученых степеней и званий до полного восстановления диссертационной системы во второй половине 1930-х гг.

Созданная в 1934 г. советская система подготовки и аттестации научных кадров, хотя и сохранила в основе своей дореволюционные требования, уже к середине 1940-х гг. нарабатывает собственный опыт организационных и экспертных процедур. В частности, был четко регламентирован процесс подготовки аспирантов, приобретший централизованный характер. Регулировались основные требования к диссертационной работе, закреплялся порядок ее подготовки, а также алгоритм проведения процедуры защиты.

В то же время можно с уверенностью констатировать, что детальная регламентация и в какой-то степени бюрократизация порядка защиты диссертации привела к его постепенной формализации и упрощению, что особенно отчетливо проявляется в сравнении с дореволюционным опытом научной аттестации. К примеру, важнейший элемент диссертационной культуры дореволюционных историков – научный диспут – не закрепился в советской системе, что, на взгляд

историков старой школы, существенно обеднило научную ценность проводимых защит.

Предлагаемая публикация – выступление известного советского историка медиевиста Е. А. Косминского на Ученом совете Института истории АН СССР в 1946 г., посвященное порядку защит диссертаций, которое позволяет понять нам, как реагировали на сложившиеся процедурные проблемы молодой советской диссертационной культуры историки старшего поколения, получившие образование еще до революции, к коим, несомненно, принадлежал и сам Е. А. Косминский.

Заседание Ученого совета Института истории АН СССР состоялось 21 октября 1946 г., на котором с основным докладом «Постановление ЦК ВКП (б) об идеологическом фронте и работе Института истории»¹ выступил его директор, академик Б. Д. Греков. Среди вопросов, поднятых Б. Д. Грековым в своем выступлении, значимую роль играла проблема порядка защит кандидатских и докторских диссертаций. Намеченная проблематика должна была быть представлена отдельным докладом, выступить с которым планировал С. Д. Сказкин, однако в силу болезни ему это сделать не удалось. В связи с этим важно отметить, что отсутствие центрального доклада по данной теме фактически свело обсуждение

¹ Архив РАН. Ф.1577. Оп.2. Д. 129.

проблемы на нет. Поднятый вопрос ограничился лишь выступлением самого Б. Д. Грекова и Е. А. Косминского, а также отдельными предложениями А. Ф. Миллера и И. И. Минца¹.

В отсутствие С. Д. Сказкина Греков высказал лишь отдельные соображения по данной теме. Отмечая в целом качественный подъем последних защищенных в институте диссертаций, Борис Дмитриевич с сожалением отмечал, что «до недавнего времени были нередки случаи, когда диссертации проходили чисто формально». Говоря о том, что отдельные диссертации, особенно собственных аспирантов, допускаются к защите довольно легко, Греков подчеркивал, что «и оппоненты относились к этим защитам довольно поверхностно не только к кандидатской, но и докторской. Во время дискуссии обнаруживалось, что оппонент говорит то, что собственно и говорить не следовало, потому что в диссертации этого либо совсем нет, либо прекрасно разработано. <...> Часто оппонент, перелистывая диссертацию и до конца не прочитав, рассказывает свои собственные соображения и впечатления». Подводя итог, Борис Дмитриевич отметил, что «с этим бороться необходимо»².

Единственным участником заседания, выступление которого было целиком и полностью сфокусировано на поставленной проблеме, являлся Е. А. Косминский. Анализируя текст выступления ученого, можно с уверенностью говорить о том, что Евгения Алексеевича глубоко волновала ситуация, связанная с ухудшением качества защит диссертаций, процесс которых, на его взгляд, утратил лучшие достижения дореволюционной диссертационной культуры³.

Не останавливаясь подробно на выступлении известного медиевиста, выделим лишь отдельные направления в его выступлении. Ключевой проблемой, по мнению Е. А. Косминского, является формализация всего процесса защиты диссертации, который утратил прежний характер диспута.

¹ Миллер, Анатолий Филиппович (1901–1973) – советский историк-востоковед, специалист по истории Турции. д.и.н.; Минц, Исаак Израилевич (1869–1991) – советский историк, специалист по истории СССР, д.и.н. (1936), академик (1946).

² АРАН. Там же. Л. 16.

³ Любопытно заметить, что рассматривая дореволюционный порядок защит как образец, сам Е. А. Косминский (1886–1959) до 1917 г. не защитился. После окончания в 1910 г. Московского университета с золотой медалью Косминский был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию. После успешной сдачи в 1915 г. магистерских экзаменов Е. А. Косминский получает должность приват-доцента. В 1925 г. утвержден в ученом звании профессор, а 5 августа 1936 г. Е. А. Косминский получил степень доктора исторических наук без защиты диссертации.

Считая, что выносимые на защиту вопросы могут быть серьезно и глубоко обсуждены только тогда, когда диссертант дискутирует «с каждым из своих оппонентов до тех пор, пока он либо признает свою неправоту, либо докажет свою правоту своему оппоненту», Е. А. Косминский считал, к примеру, ненормальной ситуацией, при которой диссертант еще до защиты знакомился с оппонентским отзывом, в то время как содержание оппонентских отзывов на дореволюционных защитах соискателю, как правило, было неизвестно. Историк сетовал, что «в ответном слове диссертант всегда имеет возможность обойти некоторые обращенные к нему вопросы»⁴.

Недопустимой, по мнению ученого, являлась сложившаяся практика, при которой оппонент должен был подготовить свой отзыв в самые сжатые сроки, тогда как по старым правилам ему полагалось на это шесть месяцев.

Как уже отмечалось выше, Е. А. Косминский являлся единственным из выступающих, кто апеллировал к дореволюционному опыту, считая, что лучшие традиции защит диссертаций российскими историками в XIX – начале XX в. оказались невостребованными советской аттестационной системой. Отмечая это, мы все же считаем необходимым подчеркнуть, что данное выступление является не только дополнительным штрихом к портрету выдающегося историка, но и подтверждением тех настроений, которые господствовали в отдельных кругах научного общества в те годы.

Относительная свобода первых послевоенных лет позволила советским историкам совершить «поворот» к научному наследию и опыту своих дореволюционных предшественников. В этом ракурсе можно рассматривать выход в 1946 г. II тома сборника «Средние века», посвященного памяти известного медиевиста Д. М. Петрушевского, а также издание в 1947 г. восстановленного после долгого перерыва журнала «Византийский временник», в первом советском томе которого отдается дань памяти крупному российскому византисту Ф. И. Успенскому. Как ученик старой профессуры: Д. М. Петрушевского, А. Н. Савина и др. – Е. А. Косминский прилагал большие усилия, чтобы научное сообщество советских историков стремилось соответствовать высоким стандартам дореволюционной науки, а достижения ее лучших представителей не были забыты.

Рассматривая выступление Е. А. Косминского в контексте событий второй половины 1940-х гг., необходимо отметить, что высказанные ученым

⁴ АРАН. Там же. Л. 25–26.

сомнения в правильности развития нового порядка защит диссертаций, являлись одной из последних попыток исправить данную систему. Развернувшиеся уже в 1947 г. антикосмополитические кампании пресекли стремления советских историков старшего поколения подвергнуть рецепции опыт диссертационной культуры российских историков XIX – начала XX вв.

Выступление Е. А. Косминского зафиксировано в стенограмме заседания Ученого совета Института истории АН СССР, хранящейся в Архиве Российской академии наук в фонде «Институт истории Академии наук СССР» в виде машинописного текста. Выступление Е. А. Косминского публикуется без каких-либо изменений и сокращений, исправлены лишь очевидные опечатки.

Выступление члена-корреспондента АН СССР Е. А. Косминского на заседании Ученого совета Института истории АН СССР о порядке защит диссертаций, 21 октября 1946 г.

Я хотел бы поговорить о порядке защиты диссертаций. Это один из важнейших вопросов, затронутых в докладе Бориса Дмитриевича¹, тем более что действительно защита диссертаций занимает главную часть работы нашего Ученого совета – и я очень сомневаюсь, что это положение удастся нам изменить: вероятно, она и впредь будет занимать очень много времени у Ученого совета. Но необходимо, конечно, ввести в работу Ученого Совета и обсуждение научных докладов, притом по определенному плану и таких научных вопросов, которые занимали бы центральное место в работе Института в целом.

Я хотел бы поговорить именно по вопросу о порядке защиты диссертаций. Мне кажется, что в самой постановке этой защиты у нас есть что-то порочное. Защита диссертаций у нас совершенно утратила прежний характер диспута – сейчас никакого диспута нет². Защита диссертаций прово-

дится у нас по такой схеме: вступительное слово диссертанта, затем выступление официальных оппонентов, причем эти выступления часто зачитываются по заранее составленным отзывам и заранее известным самому диссертанту, затем ответное слово диссертанта и голосование. Это, в сущности, не диспут. В ответном слове диссертант всегда имеет возможность обойти некоторые обращенные к нему вопросы. Если, предположим, будет сделано двадцать возражений, то он может на пятнадцать более легких ответить, а пять оставить без ответа и даже не упомянуть о них. И это пройдет легко – кто же заметит все обращенные к нему вопросы? После заключения диссертанта оппоненты, конечно, не возьмут слова.

Таким образом, мне кажется, что сама защита диссертаций в значительной степени строится формально. Правильно ли это? Мне казалось бы, что нет, что диссертант должен именно диспутировать с каждым из своих оппонентов до тех пор, пока он либо признает свою неправоту, либо докажет свою правоту своему оппоненту. Так быва-

лица, причастные так или иначе к университету или принадлежавшие к ученому сословию, а всякий желающий, какого бы сословия, ранга и возраста он ни был (и всякий студент мог выступить на диспуте в роли оппонента – и такие случаи бывали). Короче говоря, защита диссертации, самый диспут был актом в полном смысле слова публичным, общественным. На диспуте обыкновенно присутствовали все члены факультета или их большинство. Сначала секретарь факультета читал *curriculum vitae* диспутанта и оглашал перечень его ученых работ. Затем диспутант читал вступительную речь, в которой знакомил присутствующих с содержанием своей диссертации, с теми главными выводами, к которым он в ней пришел. Эти выводы излагались в форме «тезисов», которые обязательно печатались и раздавались на диспуте всем желающим. После вступительной речи выступали сначала официальные оппоненты, которые временем в своих возражениях были не ограничены, не были деканом, председательствующим на диспуте, прерываемы, за исключением лишь тех случаев, когда оппоненты уж очень увлеклись и когда декан просил, если можно, сократить свои возражения. После официальных оппонентов декан приглашал «принять участие в диспуте» всех желающих из числа присутствующих на нем. Это не обязательно всегда бывало, но бывало довольно часто. После окончания «прений» декан собирал голоса у всех присутствовавших членов факультета и, если они кивком головы выражали свой положительный голос, декан вставал и объявлял во всеуслышание сакраментальную формулу: факультет, заслушав защиту диссертации такого-то на такую-то тему, признал защиту удовлетворительной и постановил признать такого-то достойным степени магистра (доктора) таких-то дисциплин (см. выше) и представить это постановление Совету университета на утверждение. Так проходил диспут». См.: Жебелев, С. А. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозная опасность их возрождения в будущем / С. А. Жебелев // Очерки истории отечественной археологии. – М., 2002. – Вып. III. – С. 157–160.

¹ Греков, Борис Дмитриевич (1882–1853) – советский историк, специалист по истории Древней Руси и России эпохи феодализма. Директор Института истории АН СССР (1937–1953). Академик (1936).

² Известный российский историк-антиковед, специалист в области эпиграфики и филологии, академик АН СССР С. А. Жебелев (1867–1941), вспоминая дореволюционный порядок защит диссертаций, приводит следующее описание университетского диспута, характеризуя последний «в полном смысле слова ученым праздником»: «После того как диссертация была допущена к защите, факультет назначал день диспута. О дне его заблаговременно печаталось в газетах. Почти всегда днем этим было воскресенье (час дня), которое выбиралось потому, что это был день неприсутственный и, следовательно, все желающие могли прийти на диспут и принять в нем участие, и опять-таки не только

ло в прежние времена, когда, правда, диссертация была событием в жизни университета. Защита докторской диссертации – это было большое событие. Защита докторской диссертации, например, защита Егоровым диссертации о колонизации Мекленбурга¹, продолжалась семь часов без перерыва, причем никто из присутствующих не ушел, – все с величайшим напряжением следили за этим интереснейшим диспутом. Один за другим выступали оппоненты: сначала Савин², затем Любавский³, как танки, обрушивались на Егорова и постепенно загоняли его в угол и так далее. Во всяком случае, это был настоящий диспут, в котором целый ряд научных вопросов был действительно подвергнут серьезному и глубокому обсуждению и получились из этого определенные выводы.

А мне кажется, что тот метод, который у нас принят, не только у нас, но сейчас он всюду и везде принят, – этот метод является в значительной мере формальным. Я думаю, что вообще следовало бы серьезно подумать об этом. Может быть, это мое выступление вызвано тем, что не было доклада Сергея Даниловича⁴, который, вероятно, внес бы определенные предложения относительно того, как следовало бы поставить защиту диссертаций.

Мне кажется, что первым требованием должны быть очень строгая предварительная проверка диссертации, которая сейчас действительно носит формальный характер. Особенно разрешение поставить диссертацию на защиту носит формальный характер и связано с очень беглым предварительным просмотром со стороны официальных оппонентов. Конечно, следовало бы поставить более высокие требования к самим диссертациям и их предварительной оценке.

¹ Егоров, Дмитрий Николаевич (1878–1931) – историк-медиевист, ученик П. Г. Виноградова. Защита докторской диссертации «Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. II. Процесс колонизации» состоялась в феврале 1916 г. Первый том исследования: «Материал и метод» защищен в качестве магистерской диссертации в мае 1915 г. Официальными оппонентами на обеих защитах выступили М. К. Любавский и А. Н. Савин.

² Савин, Александр Николаевич (1873–1923) – историк-медиевист, специалист по аграрной истории Англии. Ученик П. Г. Виноградова.

³ Любавский, Матвей Кузьмич (1860–1936) – российский историк, специалист по истории России и Литовско-русского государства. Ученик В. О. Ключевского. Ректор Московского университета в 1911–1917 гг. Академик АН СССР (1929).

⁴ Сказкин, Сергей Данилович (1890–1973) – советский историк, специалист по истории Средних веков и Нового времени. В 1946–1951 – заместитель директора Института истории АН. Академик (1958). Герой социалистического труда (1970).

При этом я должен указать еще на один момент, который является в высшей степени ненормальным. На подготовку к выступлению на защите докторской диссертации оппоненту по прежним правилам полагалось шесть месяцев. За это время действительно можно было прочитать диссертацию, подвергнуть ее основательной критике, которая иногда была интереснее самой диссертации, потому что и сам оппонент производил исследование.

Вы помните, может быть, некоторые выступления В. О. Ключевского⁵, которые были новым исследованием по тому же вопросу и которые для диспутанта и для всех окружающих были совершенной новостью в смысле привлечения нового материала и нового его освещения⁶. Да не только у Ключевского. Припомните времена, когда Академия наук выдавала золотые медали за критику, особенно за разбор той или иной представленной работы⁷.

⁵ Ключевский, Василий Осипович (1841–1911) – российский историк, специалист в области истории России. Ученик С. М. Соловьева. Профессор московского университета. Академик (1900). За свою научную карьеру В. О. Ключевскому приходилось более десяти раз выступать официальным оппонентом на защитах магистерских и докторских диссертаций. В частности, Ключевский выступал оппонентом на всех магистерских защитах своих учеников: П. Н. Милюкова (1892), М. К. Любавского (1894), Н. А. Рожкова (1900), А. А. Кизеветтера (1903), Ю. В. Готье (1906), за исключением М. М. Богословского (1902), на защите которого учитель выступал в качестве неофициального оппонента. М. М. Любавский является единственным учеником, которому Ключевский оппонировал и на докторской диссертации (1901).

⁶ По воспоминаниям современников В. О. Ключевского, выступления историка на диссертационных диспутах всегда являлись событием в жизни научного сообщества, на которых талант Ключевского как исследователя проявлялся наиболее ярко. А. А. Кизеветтер вспоминал, что выступление на защите Ключевского было «главной приманкой» для зрителей, а «слушать, как диспутирует Ключевский, было величайшим наслаждением для тонких ценителей научных споров». В то же время выступления Ключевского на защите диссертаций являлись не самым простым испытанием для соискателя. Продолжая воспоминания о своей защите, Кизеветтер пишет, что выступление учителя было для него и присутствующих непривычным: «...совсем не было «игры кошки с мышкой», соединенной с легким экзаменом диспутанту; Ключевский вел диспут таким тоном, который ясно давал понять всем присутствующим, что он признает в своем ученике собрата по науке...». См.: Кизеветтер, А. А. На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881–1914) / А. А. Кизеветтер. – М., 1997. – С. 197.

⁷ Из контекста выступления не ясно, какие «времена» и кого именно имел в виду Е. А. Косминский. Можно предположить, что речь шла о дореволюционном опыте Российской Академии наук. В 1856 г. А. С. Уваров инициировал академическую премию в память своего отца – С. С. Уварова, президента Академии наук (1818–1855) и министра народного просвещения (1833–1849). С 1857 г. она стала присуждаться

Дается ли сейчас шесть месяцев оппоненту для того, чтобы подготовиться к защите диссертации? Правда, это иногда получается само собою, потому что диссертация откладывается. Очень часто в две недели любую докторскую диссертацию вы должны прочитать и оценить.

Мне кажется, следовало бы тут о чем-то подумать. Выступление в качестве оппонента на защите диссертации есть весьма ответственное поручение, которое Ученый совет дает тому или иному из своих членов и на которое при этом должно быть отведено соответствующее время. Защита диссертации и прочее являются у нас сверхплановой нагрузкой – такими пустяками человек занимался, как выступил оппонентом. Разве это можно человеку в нагрузку поставить и засчитать за какую-то производственную работу?

По-моему это глубоко неправильно. Кажется, в этом году мне предстоит выступить официальным оппонентом по трем докторским диссертациям Академии наук. В 1863 г. рассматривалось решение об учреждении золотой медали с портретом С. С. Уварова для награждения рецензентов. См. об этом: Алеврас, Н. Н. Проблемы источника и метода в академических отзывах В.О. Ключевского / Н. Н. Алеврас // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2011. – Вып. 47. История. – № 23 (238). – С. 10, 16.

В прежние время мне было бы предоставлено 18¹ месяцев в год². Конечно, я шучу здесь, но вообще я думаю, что как раз работа оппонента является ответственной работой, которая требует ознакомления не только с самой диссертацией, но ознакомления с источниками и является³ серьезной, ответственной исследовательской работой. К этому делу надо отнестись серьезно.

Я уже сказал о том, что и сама постановка и сам диспут должны быть действительно диспутом, когда защита диссертации становится творческим научным актом, чего у нас сейчас нет.

Я не отрицаю того, что у нас за последнее время был целый ряд прекрасных диссертаций, может быть, даже больше шести я их могу насчитать, которые оставили чувство удовлетворения. Но это чувство удовлетворения могло быть еще больше, если бы к этому делу было проявлено больше внимания и более строгий методический подход.

Вот о чем я хотел сказать.

Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 129. Л. 25–29.

¹ Исправлено от руки поверх цифры «8».

² Исправлено от руки поверх слова «работы».

³ Слово напечатано над строкой.

Сведения об авторе

Сашанов Владимир Владимирович – научный сотрудник Центра историко-культурного наследия г. Челябинска.

sashanov.hist@mail.ru

Magistra Vitae.

2016. No 2. P. 172–176.

«IT HAPPENED IN THE OLD DAYS...»: THE HISTORIAN E.A. KOSMINSKIY ON THE PROCEDURE OF DISSERTATION DEFENSE IN THE MID-1940S. BY THE SOURCE PUBLICATION

This article is supported by the Russian Humanitarian Scientific Fund Grant. Project № 16-03-00264

V. V. Sashanov

Center of historical and cultural heritage of the city of Chelyabinsk. Chelyabinsk, Russia. sashanov.hist@mail.ru

This published speech by E. A. Kosminskiy, held at the meeting of the Academic Council of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences, on the procedure of dissertation defense and its introductory article are a part of a poorly studied issue of Soviet dissertation culture in the 1930-1940s. In his speech the well-known medievalist criticized the existing system and appealed to the best traditions of pre-revolutionary scientific evaluation. The report of the scientist is considered in the context of the scientific community development in the early postwar years, when Soviet historians resorted actively to the heritage and experience of their pre-revolutionary colleagues. At the same time the article author states that unfolded antic cosmopolitan campaign wound down the desire of the old school historians to adapt the experience of Russian dissertation culture in the XIX – beginning of XX century for Soviet circumstances.

Keywords: *Soviet historical science, dissertation culture, B.D. Grekov, E.A. Kosminskiy.*